

УДК 81'282(571.55)

DOI 10.18101/978-5-9793-1674-1-230-235

**ДИАЛЕКТНАЯ ЛЕКСИКА,
РЕПРЕЗЕНТИРУЮЩАЯ МЯСНЫЕ БЛЮДА, В ОДНОМ
ИЗ ГОВОРОВ СЕМЕЙСКИХ ЗАБАЙКАЛЬСКОГО КРАЯ**

© **Пляскина Елена Ивановна**

кандидат филологических наук, доцент,
Забайкальский государственный университет
Россия, г. Чита
plyaskinaEI@mail.ru

© **Чупрова Анастасия Алексеевна**

студентка,
Забайкальский государственный университет
Россия, г. Чита
nastusha.2000.lin@gmail.com

В статье впервые рассмотрены диалектные лексические единицы (ЛЕ), бытующие в говоре поселения Коротковское Красночикоийского района Забайкальского края, которые репрезентируют мясные блюда: описаны их лексические значения, определены типы диалектизмов, их происхождение, внутренняя форма и генетическая природа, отражение их в Словаре В. И. Даля и в Словаре русских народных говоров, бытование их в других говорах семейских (по Словарю говоров старообрядцев (семейских) Забайкалья) и других забайкальских говорах (по Материалам к словарю русской народно-разговорной речи Забайкалья). Таким образом выявлено своеобразие репрезентации мясных блюд в говоре поселения, его сходство с другими говорами семейских, а также отличие от них, как и от старожильческих говоров Забайкалья.

Актуальность исследования связана с интересом в обществе к этническим корням русской нации, к истокам национальной культуры, а также с переменами, происходящими в области питания в настоящее время в крупных городах и пока еще почти не затронутыми малые населенные пункты. В статье также представлена этнокультурная специфика некоторых лексических единиц.

Ключевые слова: репрезентация, говор, севернорусские говоры, южнорусские говоры, говоры семейских, старожильческие говоры, диалектная лексика, лексические единицы, лексические диалектизмы, семантические диалектизмы, семантика (значение).

VOCABULARY REPRESENTING MEAT DISHES IN ONE
OF THE TRANS-BAIKAL OLD-BELIEVERS' DIALECTS

Elena I. Plyaskina

Cand. Sci. (Philology), A/Prof.,
Department of Russian Language and Methods of Teaching,
Trans-Baikal State University
Chita, Russia
plyaskinaei@mail.ru

Anastasia A. Chuprova

Undergraduate Student, Faculty of History and Philology,
Trans-Baikal State University

Chita, Russia
nastusha.2000.lin@gmail.com

The article considers dialect lexical units (LE) existing in the dialect of the settlement Korotkovskoye Krasnochikoysky district on the Trans-Baikal Territory. The units represent meat dishes. In particular, the lexical meanings are described, types of dialectisms, their origin and genetic nature are determined, their reflection in the Dictionary of V. I. Dahl and in the Dictionary of Russian Folk dialects, their existence in other Old believers' dialects (according to the Dictionary of Dialects of the Old Believers (Semey) of Transbaikalia) and other Trans-Baikal dialects (based on Materials to dictionary of Russian folk-spoken speech of Transbaikalia) are analyzed. Thus, the peculiarity of the representing meat dishes in the dialect of the settlement, its similarity to other Old believers' dialects, as well as the difference from them, as well as from the old-time dialects of Transbaikalia, is revealed.

The relevance of the study is related to the social interest in the ethnic roots of the Russian nation, to the origins of national culture, as well as to the changes taking place in the field of nutrition in large cities at present which have not yet affected small settlements. The article also presents the ethnocultural specifics of some LE.

Keywords: representation, dialects, Northern Russian dialects, Southern Russian dialects, Semey dialects, old-time dialects, dialect vocabulary, lexical units, lexical dialectisms, semantic dialectisms, semantics (meaning)

Говор поселения Коротковское Красночикийского района Забайкальского края, которое образуют села Барахоево, Большаково, Быково, Коротково и Красные речки (жители сел относят себя к семейским или к их потомкам), еще не был предметом исследования, хотя говоры семейских изучались Т. Б. Юмсуновой, А. П. Майоровым, Н. А. Дарбановой, М. Б. Матанцевой, И. Ж. Степановой, Е. И. Тынтуевой, О. М. Козиной и другими, но мы исходим из положения, что каждый говор уникален, и, вписываясь в общую парадигму говоров семейских, наверняка отличается от них, как и от старожильческих говоров Забайкалья. Рассмотреть особенности репрезентации мясных блюд в этом говоре — цель настоящей статьи; материал для исследования был собран одним из соавторов, студенткой 5-го курса ИФФ ЗабГУ Анастасией Чупровой, которая является и носителем этого говора.

Диалектными репрезентантами мясных блюд и составляющих этих блюд являются ЛЕ *свежѣина, жареха, сельтисѣн, шкварки, похлебка, бухлер, шуля, мостольга*.

Суп из мяса только что заколотого домашнего животного (из свинины или говядины) называется в говоре исконно русской ЛЕ с прозрачной внутренней формой (ВФ) *свежѣина (свеж-ина от свеж-ий): Вкусная свежѣина получилась из этого бычка; В свежѣину мы обычно и картошку добавляем, но немного; Свежѣина в этом году жирноватая — свинью закармили*. Надо отметить, что ЛЕ *свежѣина* имеет и другое значение: так называется само событие — закалывание животного или, как говорят носители говора, *заколѣка*, в честь него собираются родственники и соседи, чтобы поесть свежее мясо, ведь оно, с их точки зрения, является не только самым лучшим угощением, но и весьма редким (раз в полгода-год), и в связи с этим хозяева стараются позвать как можно больше родных и близких (что говорит о их щедрости).

В других забайкальских говорах (например, с. Доно Калганского района, где живут потомки казаков-староверов) орфоэпический вариант этой ЛЕ *свежѣина* тоже имеет два значения: 1) суп из мяса только что заколотого домашнего жи-

вотного и 2) процесс забоя домашнего животного, в конце которого готовится такой суп [Пляскина, Игнатович 2019: 154]. В других говорах семейских (бытующих в основном в Республике Бурятия) ЛЕ *свежіна* зафиксирована в трех значениях: 1) мясо только что забитого домашнего животного, 2) кушанье из мяса и внутренностей только что забитого домашнего животного, 3) угощение по случаю забоя домашнего животного [Словарь говоров 1999: 418].

В Словаре русских народных говоров эта ЛЕ со значением «вареное мясо» (судя по названию, свежее) зафиксирована в воронежских говорах в 1914 г. [Словарь русских: вып. 36, с. 228]. В словаре В. И. Даля *свежіна* в значении «свежее мясо вообще» имеет пометы *сар., вят., ниж., смл.*; в значении «свежая свинина» — *пенз., тамб., тул.* [Даль 1978: 156]. Как видим, в рассматриваемом говоре семейских прямое значение этого слова, исконно более распространенного в южнорусских говорах, утратилось, но появились новые, как и в других говорах Забайкалья: кушанье из мяса только что заколотого домашнего животного в виде супа с картофелем и луком и процесс забоя домашнего животного, в конце которого готовится такой суп, что отличает говор поселения Коротковское от других говоров семейских.

ЛЕ *жареха*, тоже исконно русская и с прозрачной ВФ (*жар-еха от жар-ить*), репрезентирует блюдо из жареных внутренностей только что заколотого животного: *Будешь жареху? Осталась еще со вчерашнего дня; Жареху лучше сначала на грудинке поджарить, маслом все испортишь*. В других говорах семейских это блюдо называется родственными ЛЕ *жаранина, жаренина или жаренуха*, и кроме внутренностей в него добавляют мясо и сало [Словарь говоров 1999: 138]. В хилокских говорах Забайкальского края *жареха* — тоже жареное блюдо, только из свежей свинины (без внутренностей), *жареха* из говядины сначала обжаривается, а потом тушится, иногда с добавлением картофеля, моркови и лука; в большинстве же других забайкальских говоров (и в хилокских тоже) ЛЕ *жареха* обозначает вареное крупными кусками свежее мясо или суп из такого мяса с добавлением картофеля и лука [Пляскина, Игнатович 2019: 66].

Скорее всего эта ЛЕ, севернорусская по своему происхождению и распространению (в Словаре русских народных говоров она в значении «что-либо жареное, жаркое» имеет территориальные пометы: *волог., олон., арх., иван., нижегор., астрах., вят., перм., ср. урал., смол., амур.* [Словарь русских 1965–2016: 77]), была заимствована рассматриваемым говором из соседних старожильческих. В Словаре В. И. Даля не отмечена.

Исследователю диалектной лексики, безусловно, интересны рассказы жителей поселения о том, как готовятся эти блюда, они добавляют к ее описанию этнокультурный компонент. Вот как, например, рассказывала об этом бабушка одного из соавторов статьи Анастасии Чупровой, Анна Митрофановна Грешилова, которой 86 лет и которая всю свою жизнь прожила в с. Барахоево, закончив всего 4 класса в школе и работая с двенадцати лет в колхозе. Она, как и ее односельчане, считает, что для праздничной трапезы в день забоя домашнего животного блюд на столе должно быть три. *Первое — это жареха. Как только закололи кабана, первым делом вытаскивают внутренности: печень, почки, сердце, легкие. Все это делят на две части: одну сейчас пожарить, а другую заморозить, чтобы покушать попозже. Сначала нужно пожарить лук со шкварками, жела-*

тельно из грудинки, а потом, нарезав на доньшке внутренности, добавить к ним, посолить, положить лавровый лист и жарить до готовности часа 2, при необходимости добавляя воды, можно прямо из кадушки. Второе блюдо — это сама свежина. Сначала варим хорошенько мясо в течение 1,5–2 часов, мякоть и ребрышки. Затем чистим бульбу, но совсем немножко, штучки 3, режем немного крупнее, чем в обычный суп, и добавляем. Так варим до готовности, нужно не забыть добавить лук минут за 10 до готовности. И третье — салат из квашеной капусты с растительным маслом и луком, вот и все. Как только мужики закончат работу, начинаешь быстренько гоношить на стол. Обычно зовут соседей и родственников, чтобы все сладко наелись, поэтому дома собирается много народу.

Через день-два после забоя свиньи (а иногда к празднику) носители говора готовят блюдо из свиной головы (способ приготовления такой же, как у холодца, который тоже конечно делают) — *сельтисон* (ВФ у этой ЛЕ отсутствует, так как по происхождению она является нерусской, но из какого языка заимствована — неизвестно): *Сельтисон мы обычно с чесночком делаем, а потом убираем в морозильник — замороженный вкуснее. Ты в сельтисон добавь еще язык, вообще вкусно получится.* Эта ЛЕ широко распространена в других забайкальских говорах [Пляскина, Игнатович 2019: 155], а в говорах семейских Бурятии отсутствует, как и в Словаре В. И. Даля и в Словаре русских народных говоров (Википедия содержит фонетические варианты сальцесон и сальтисон, которые называют блюдо польской, белорусской, украинской и русской кухонь, приготовленное из отваренных и мелко порезанных свиных потрохов, головы и сала, помещенных в свиные кишки или желудок и снова отваренных или запеченных.)

Жареное сало в говоре называется *шкварками*: *По утрам только шкварками питаемся. Отец у меня любит хорошо их поджарить, чтоб хрустели.* Эта ЛЕ, в отличие от рассмотренных лексических диалектизмов, не известных литературному языку (ЛЯ) — *свежина, жареха, сельтисон*, представляет собой семантический диалектизм, т. е. слово, имеющее в диалекте значение, отличное от того, которое закреплено за ним в ЛЯ; литературная ЛЕ *шкварки* обозначает поджарившиеся твердые кусочки сала, получившиеся после его вытапливания [Словарь русского 1981: 720]. В этом же значении («вытопки») известна в других говорах семейских ЛЕ *шквара* [Словарь говоров 1999: 52]. Рассматриваемая ЛЕ является исконно русской, образованной от глагола *шкварить* со значением «пряжить, жарить», зафиксированной, по Словарю В. И. Даля, в южнорусских, малорусских и вологодских говорах [Даль 1978: 637]. Ее ВФ затемнена вследствие территориальной ограниченности производящего слова.

Одна из составляющих супа (чаще всего готовят мясной суп) — бульон репрезентируется в рассматриваемом говоре тремя ЛЕ: *похлебка, шуля и бухлер*: *Ой, Толя, мне ничего не надо, похлебки только плесни; Ну ты хоть похлебки с хлебушком покушай, а то ведь совсем голодным останешься; Опять ты мне одной шули налила; Шуля-то жирная, поди из свинины готовила суп; Мне бухлер погорячее нравится; Я раньше с работы прибегу, бухлера одного нахлебаюсь и побежала на огород.* Исконно русская ЛЕ *похлебка*, имеющая прозрачную ВФ (*по-хлеб-ка* — то, что можно *по-хлеб-ать*) и обозначающая суп, заправленный мукой, крупой или картофелем в ЛЯ [Словарь русского 1981: 340], является се-

мантическим диалектизмом, оставшиеся две — лексическими, причем обе они заимствованы из бурятского языка: бур. *бухлэ/р/* — целиком, полностью [Черемисов 1973: 128] (буряты мясную тушу (обычно баранью) не рубят, а разделяют по суставам, варят большими кусками (целую кость) и подают с бульоном, налитым в пиалы, — в целом это блюдо называется *бухлером*); бур. *шҮлэ/н/* — «суп, бульон, мясной отвар» [Там же: 738]. В других говорах семейских сохранилось исконное значение слова *бухлер* и его фонетического варианта *бухулер* при том, что появилось значение «мясной бульон», но некоторые контексты употребления этой ЛЕ показывают, что *бухлером* называют и бульон от супа: *Сынка мой можыт дажы мяса и картошку ня ись, яму токо бухлер пыдавай; От кады суп сварится, то ут эта сама вадичка у супу бухулерым и заветица* [Словарь говоров 1999: 65]. В старожильческих говорах Забайкалья у ЛЕ *бухлер* (*бухулер*) при сохранении значения из языка-источника, появилось и другое: «суп из мяса, сваренного большими кусками, обычно с крупно нарезанным картофелем и репчатым луком» [Пляскина, Игнатович 2019: 34].

Значение ЛЕ *шуля* в рассматриваемом говоре, как и в других говорах семейских, по сравнению с языком-источником сузилось: она обозначает только мясной бульон [Словарь говоров 1999: 531], а в других говорах Забайкалья так называют не только бульон из мяса, но и из рыбы или грибов [2 с. 186]. В словаре В. И. Даля этих слов нет, как и в Словаре русских народных говоров.

Основная часть супа — большая кость с мясом называется в говоре мостольгой: *Вот эту мостольгу оставьте отцу, он ради нее суп варил; Что-то мяса на этих мостольгах мало, все пообрезали*. В других говорах семейских этой ЛЕ нет, а в Словаре В. И. Даля представлена мосо́льга (от мосол) с таким же значением и без территориальных помет [Даль 1978: 349]. В Словаре русских народных говоров это значение зафиксировано у ЛЕ *мостольга* (петрозав., олонец., 1896) [Словарь русского 1981: 294]. Скорее всего ЛЕ *мостольга*, имеющая затемненную ВФ, появилась в результате фонетического преобразования исконно русского слова *мосол-ыга* со значением «большая кость», образованного от ЛЕ *мосол* — «кость».

Таким образом, в говоре поселения Коротковское Красночикойского района Забайкальского края мясные блюда репрезентируются шестью лексическими (*свежина*, *жареха*, *сельтисон*, *бухлер*, *шуля* и *мостольга*) и двумя семантическими (*похлебка* и *шкварки*) диалектизмами; исконно русскими с прозрачной ВФ являются ЛЕ *свежина*, *жареха*, *похлебка*, с затемненной ВФ — *шкварки* и *мостольга*, диалектными заимствованиями — ЛЕ *сельтисон*, *бухлер* и *шуля*.

Из восьми ЛЕ только ЛЕ *шуля* распространена в говорах семейских Бурятии в том же значении, что и в рассматриваемом говоре; не известны в других говорах семейских ЛЕ *жареха*, *сельтисон* и *мостольга*; ЛЕ *похлебка* и *шкварки* не представлены в Словаре говоров старообрядцев в силу их общерусского характера, и если распространены в говорах, то в тех же значениях, что и в ЛЯ; ЛЕ *свежина* и *бухлер* отличаются семантикой. В этом проявляется своеобразие репрезентантов мясных блюд в говоре поселения, что отличает его от других говоров семейских. С другой стороны, некоторые особенности, а именно: значения ЛЕ *свежина*, наличие ЛЕ *жареха*, хотя и в другом значении, наличие ЛЕ *сельтисон* в том же значении, что и в старожильческих говорах Забайкальского края, — несколько сближает с ними рассматриваемый говор.

Литература

1. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1–4. М.: Русский язык, 1978. 942 с.
2. Пляскина Е. И., Игнатович Т. Ю. Материалы к словарю русской народно-разговорной речи Забайкалья. Казань: Бук, 2019. 182 с.
3. Словарь говоров старообрядцев (семейских) Забайкалья. Новосибирск: Изд-во СО РАН, Науч.-изд. центр ОИГГМ СО РАН, 1999. 540 с.
4. Словарь русских народных говоров. Л.: Наука, 1965–2016. Вып. 1–49. 364 с.
5. Словарь русского языка: в 4-х т. М.: Русский язык, 1981. 698 с.
6. Черемисов К. М. Бурятско-русский словарь. М., 1973. 840 с.